

НГУ: СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1960-х

Статья первая

И.В. Жежко-Браун

Американская политическая
ассоциация,
Бостон, США

irinabraun@gmail.com

Предметом анализа является студенческое движение в Новосибирском государственном университете (НГУ) в 1963–1967 гг. Имеющиеся публикации на эту тему недостаточно покрывают его историю и неточно квалифицируют это явление. Основным вкладом автора является сбор и анализ фактов о студенческом движении в НГУ в 1960-х гг. Развитие гражданской активности явилось незапланированным побочным результатом Сибирского эксперимента, который остается актуальным в сегодняшнем поиске решений по обновлению общественной системы. Статья анализирует предпосылки и факторы студенческого движения, а также полный спектр их коллективной общественной деятельности: самоуправление, клубные формы активности, суд над антисемитами, участие в выборе ректора университета, в сохранении автономии университета и академических свобод и защите преподавателей и товарищей от политического преследования. Показано, что оно было первым открытым, легальным и наиболее продолжительным студенческим движением после 1920-х гг., примером оппозиции без диссидентства, движением по самоорганизации и изменению общественной системы снизу. Оно пошло дальше других студенческих движений того периода в формировании ячейки гражданского общества. Статья основана на фактах из истории университета, подкрепленных воспоминаниями студентов и преподавателей, социологических наблюдениях в сочетании с эссенстикой и документальными данными.

Ключевые слова: студенческое оппозиционное движение, гражданское общество, самодеятельный образ жизни, Новосибирский государственный университет, Академгородок в 1960-е гг.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-136-156

Мы не сделаем вас умнее, мы научим вас думать.

Девиз НГУ

Введение

После XX съезда КПСС во многих учебных заведениях страны прошли всплески студенческой протестной активности, однако только в Новосибирском государственном университете (НГУ) эта активность приняла форму *открытого, легального и продолжительного оппозиционного студенческого движения*. Оно длилось более трех лет и в

контексте общественного движения в новосибирском Академгородке создало важные прецеденты и модели гражданской активности. До настоящего времени это движение осталось не представленным должным образом в историографии общественной жизни страны.

Студенческое инакомыслие этого периода в МГУ, ЛГУ, ТГУ и других вузах име-

ло в основном характер тайных кружков, являя себя обществу через акции, типичные для подпольных организаций: листовки, самиздат, расписывание стен (граффити). В этом непростом историческом контексте уникальная особенность политического опыта Академгородка шестидесятых, и в частности НГУ, состоит в том, что, будучи по факту оппозиционным, он являлся открытым движением, направленным на изменение общества снизу, выстраивание *конструктивной альтернативы имеющемуся социальному порядку*, формирование одного из возможных способов самодеятельного образа жизни в существующей системе и одновременно способов его изменения. Концепция «самодеятельного образа жизни» подробно описана в работе Л. Бляхера [2]. Мы будем далее использовать некоторые идеи и концепции, выдвинутые в этой крайне интересной книге.

Об Академгородке 1960-х написано очень много, в основном о его «взрослом» поколении. Существенно меньше написано об университете, а между тем его обитатели составляли примерно четверть населения городка. Студенческой жизнью, за исключением учебного процесса, руководили органы студенческого самоуправления, открыто работали политические дискуссионные клубы и кружки, где обсуждались наиболее острые вопросы современной жизни и истории советского государства, публиковались неподцензурные стенные газеты, в том числе политической направленности. Студенческая выборная кампания прямо повлияла на назначение нового ректора университета в 1964 году. Студенты при поддержке парторганизации провели открытый суд над несколькими своими товарищами, устроившими антисемитскую выход-

ку около общежития... Список политических акций в университете можно было продолжить, но и сказанного вполне достаточно, чтобы представить характер и масштаб студенческого движения в НГУ. За любой, даже меньший из этих поступков в других университетах в конце 1950-х – начале 1960-х гг. следовали репрессивные акции. Напомним только два наиболее известных случая: «университетское дело» (или «группа Краснопевцева») и дело Революта Пименова [8, 22].

История студенческого движения НГУ еще не написана, хотя имеются отдельные публикации на эту тему в местной прессе, сборниках и в Интернете. Первая заметка на эту тему была напечатана в газете «Университетская жизнь» (УЖ) в 1995 г., где кратко пересказывалось выступление выпускника НГУ и преподавателя истории В.Л. Дорошенко о политическом движении студентов в 1964–1967 гг. [18]. Спустя два года вышла статья в местной газете «За Науку в Сибири» тоже выпускника НГУ, секретаря парторганизации гуманитарного факультета, профессора кафедры истории России М.В. Шиловского [24]. В ней автор, базируясь на документах университетской партийной организации, излагал несколько иную точку на историю студенческого движения. Ей в ответ напечатал письмо в газету секретарь комитета ВЛКСМ НГУ (1962–1967) Геннадий Швецов, где он оспаривал некоторые утверждения статьи Шиловского [23]. Затем последовал ответ самого Дорошенко, также с критикой позиции Шиловского [11]. В этой заметке Дорошенко призвал других участников этих событий написать историю движения, отмечая, что для него самого «время для такой публикации еще не пришло».

Ближе всего к написанию истории студенческой общественной деятельности в НГУ подошел преподаватель этого университета А.Г. Борзенков [3]. Задачу своей монографии «Молодежь и политика» автор видел в том, чтобы «выявить главные тенденции в зарождении и становлении молодежных политизированных инициатив и движений на востоке России в 1961–1991 гг.» [3, ч. 1, с. 10]. Наряду с другими источниками Борзенков использовал документы центрального, областного и районного архивов нескольких организаций и ведомств. Именно от него, профессионального историка и партийного функционера, мы узнаем, что на момент написания им монографии многие партийные документы, не говоря уже о материалах местного КГБ, касающиеся студенческого движения, были недоступны исследователю, или, говоря на языке спецхрана, «законвертированы». «Практически все архивы организаций государственной безопасности на востоке России закрыты для исследователей...» [Там же, с. 14]. Вряд ли документы о студенческой жизни тридцатилетней давности были бы все еще «законвертированы» в партийных архивах, если бы они не касались фактов оппозиционной активности и мер по их пресечению. В процессе своего исследования автор пришел к выводу, что «на востоке России существовала своеобразная terra incognita политизированных самодельных начинаний, которая... оставалась вне поля зрения как советских, так и постсоветских историков» [3, ч. II, с. 173]. Борзенков видел миссию своей работы в том, чтобы вывести из тени генерацию молодежных неформальных лидеров, которые рисковали если не жизнью, то благополучной карьерой и работой по специальности.

Так случилось, что в работе Борзенкова именно студенческому движению НГУ периода 1963–1967 гг. уделено меньше всего внимания по сравнению с другими молодежными движениями Сибири, хотя автор и являлся сотрудником этого университета. Данная работа имеет целью восполнить в меру наших сил этот пробел и отдать должное нашим товарищам, тем, кто взял на себя риск идти непроторенной дорогой.

Упомянутая выше дискуссия сибирских историков о природе студенческого движения НГУ могла быть «похоронена» в местных изданиях, но наступила эпоха Интернета и их статьи оказались доступными всем желающим.

Жанр, источники и методы. Социальные движения в силу своей спонтанности, быстротечности и эфемерности с трудом поддаются изучению традиционными научными методами, особенно в их начальной стадии. То, что мы можем знать о любом из движений, мы узнаем по большей части от их участников и от очевидцев (наблюдателей), а также из сохранившихся документов. Эта статья написана на пересечении нескольких жанров и методов: факты из истории университета добавляются и подкрепляются воспоминаниями студентов и преподавателей, социологические наблюдения и документально подтвержденные факты сочетаются с эссеистикой. Она также вбирает в себя наиболее ценную информацию из предшествующих публикаций на данную тему. Неожиданным подарком автору этой работы явилась книга воспоминаний выпускников физфака, которые учились в годы студенческого движения (1964–1968) [19]. В подготовке данной работы принимало участие несколько выпускников НГУ. Без

их помощи она бы не состоялась, однако только автор несет полную ответственность за конечный результат. Каждый из нас выступил как минимум в двух ипостасях, как участник событий и как их летописец, и, соответственно, в двух жанрах, *эвиденциальном и профессиональном*.

История студенческого движения НГУ приобрела дополнительную актуальность в контексте современной России. Отношение к академической науке в последние годы, по сравнению с 1960-ми, когда наука почти обожествлялась («наука спасет человечество»), сменилось на почти противоположное. Сегодня созданная еще Петром I автономная Академия наук показала государству обузой, независимый фонд финансирования науки и образования «Династия» был объявлен «иностранным агентом», Академия наук реорганизована практически без участия самой академии, а точнее, наперекор ее собственным предложениям. Опыт недавних лет показывает, что формы сопротивления ученых неразумным, с их точки зрения, реформам, по старинке апеллирующие к «царю-батюшке», оказались неэффективными. В этом контексте вопросы подготовки будущих ученых к участию в общественной жизни и к их желательной роли в трансформации общества становятся необычайно актуальными.

Цель этой работы – рассказать о студенческом движении НГУ как части общего оппозиционного движения в Академгородке и показать, что оно было одним из первых в нашей стране прецедентов *самодетельного движения снизу по самоорганизации и трансформации общественной системы*.

Социальный эксперимент – параметры нашей свободы

«... в русской истории был прецедент, когда группе активистов удалось создать среду, где вопреки режиму жить было приятно, весело и интересно. Новосибирский Академгородок, который кто-то из центральных чиновников... в раздражении назвал царством непуганых идиотов, стал той самой социалистической утопией, где люди любили своих соседей и помогали друг другу, а прибыль от инженерных инноваций шла на благие цели».

Корсун Оля [13]

В литературе нон-фикшн часто смешивают три близких, но разных понятия: социальный эксперимент (проект), утопический проект и социальный естественный эксперимент. Ольга Корсун, автор милой заметки об Академгородке, или городке, как его называли его обитатели, цитируемой в эпитафии к этой главе, назвала его воплощенной утопией. Это вполне понятно, так как в социальных экспериментах создают чаще всего благоприятные для развития условия, и тогда он воспринимается наблюдателем как «утопия». Некоторые авторы называли его «городом Солнца» [14] или «Касталией».

Даже профессионалы иногда используют слова «утопия» и «социальный проект» как синонимы. Одним из примеров такого смешения понятий является замечательная книга «Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980)» [21]. Разница между этими тремя понятиями весьма существенна для нашего разговора, поэтому постараемся различить их, не впадая в излишний академизм. Всякая утопия содержит более или менее очерченный образ и устройство будущего (проект), чаще всего зафиксиро-

ванные лишь в виде текста. Натуральный социальный эксперимент случается в реальной жизни тогда, когда без предварительного плана складывается уникальное сочетание обстоятельств (факторов), совпадающих во времени и пространстве, или, иначе говоря, специфическая социальная конъюнктура, которая способствует появлению нового, неожиданного социального результата. Особенность натурального, в отличие от научного (контролируемого) социального эксперимента, который также содержит в себе определенный проект, состоит в том, что в первом необходимые и достаточные факторы сходятся в одном месте и времени практически случайно, тогда как в научном условия эксперимента задаются и контролируются исследователями.

Соглашаясь с Корсун в том, что в городке ненадолго сложилась ячейка гражданского общества, хочу возразить ей, что в начале сибирского эксперимента это гражданское общество вовсе не было запланировано и даже не предвиделось. Вряд ли «отцы-основатели» Городка, судя по их собственным мемуарам и выступлениям, думали о нем как о оазисе гражданского общества. М.А. Лаврентьев и его сподвижники исповедовали сциентизм, т. е. верили, что стране нужна наука, а вовсе не гражданский активизм. НГУ был построен по калькам Московского физико-технического института (МФТИ). «Факультет готовил в основном специалистов для фундаментальных ядерных и ракетных исследований. Ученым он был крайне нужен для развития самой науки. Сталину – для научного обеспечения производства бомб и ракет. < > В результате факультет получил неслыханную автономию, выходящую за рамки обычных советских стандартов высшего образования. < > Лишь лабораторные работы, экзаме-

ны и домашние задания были обязательны, семинары и лекции оставались на наше усмотрение – даже лекции по марксизму...» [20, с. 88, 89]. Такую позицию в отношении МФТИ, а затем и НГУ М. Майофис и И. Куклин назвали «мобилизационной». «Она предполагала, что математические школы (включая некоторые университеты – ИЛЖ) станут образовательным кластером, нарушающим общепринятые правила и необходимым для решения “прорывных” задач военно-технического развития» [21, с. 308]. Разумеется, ученым в свободное время разрешалась определенная вольность суждений на кухне и в клубах, но не более того. Даже в закрытых послевоенных шарашках вольнодумие сходило с рук, если оно не выражалось в отказе от выполнения государственных заказов (см. «В круге первом» А. Солженицына).

Неожиданно для создателей городка оказалось, что то, что хорошо для развития науки, хорошо и для развития их жителей как гражданских активистов. Зона, созданная исключительно для научных исследований, оказалась своего рода зоной, свободной от идеологического контроля, где советская власть на время ослабила свою хватку. В этой лакуне стала спонтанно складываться самоорганизация, базирующаяся на самостоятельности и солидарности нижних уровней власти с активным населением, на значительном совмещении формальных и неформальных структур. Активная гражданская жизнь оказалась побочным результатом эксперимента по созданию научного городка и университета. Этот побочный процесс я и называю здесь *натуральным (незапланированным) социальным экспериментом*, который сейчас, пятьдесят лет спустя, представляется нам даже более ценным, чем основной Сибир-

ский эксперимент. Если бы этот опыт по выращиванию в городке гражданского общества был расширенно воспроизведен в масштабах страны, а не прерван «на бегу», возможно, что Россия в переломные моменты ее развития могла бы выбрать другую траекторию. Во многих странах мира университеты являются не только центрами научных открытий, но и центрами подготовки субъектов социального изменения. В западных университетах все желающие могут взять курсы по формам участия в общественных движениях, по контролю за деятельностью государственных структур и по технологиям общественных изменений [25]. Логично предположить, что тысячи выпускников НГУ, получив опыт гражданского самоуправления в рамках университета и городка, могли бы перенести его в исследовательские и учебные заведения Сибири, куда они были распределены, и тем самым стать «закваской», своего рода «гражданским призывом» будущих перемен.

В чем же, на наш взгляд, состояли начальные условия и результаты этого незапланированного социального эксперимента? Мы попытались реконструировать их из коллективного опыта студентов и профессоров, выраженного в мемуарах, академических статьях и документах. Некоторые из выделенных мною факторов взаимосвязаны или вытекают друг из друга и в этом смысле не являются вполне самостоятельными. Поскольку этот текст – первая известная мне попытка описать социальный эксперимент в нашем городке, и в частности в университете, то я формулирую факторы пока в рабочем порядке. Одна из задач этой статьи – выделить и назвать их, а уж потом, если получится, проанализировать и упорядочить.

Итак, сформулируем начальные условия или факторы зарождения и развития студенческого движения в НГУ.

1. Во главу учебного процесса НГУ была поставлена задача воспитания и стимулирования свободного исследовательского мышления и индивидуального развития («Мы не сделаем вас умнее, мы научим вас думать»). Как известно, свободное мышление имеет критический характер и тенденцию постоянно расширять границы возможного, известного, разрешенного и познаваемого.

2. Почти все студенты жили в общежитиях вдали от семей. Это был самый высокий уровень концентрации студентов в одном месте среди советских университетов. Студентов связывали тесные дружеские связи, в их среде сформировалось много пересекающихся кругов единомышленников и групп по интересам. Эти связи не прерывались даже летом: начиная с 1964 г., каждые каникулы студенты самостоятельно формировали отряды на целину и в другие регионы страны или в туристские маршруты. В студенческих коллективах произошло сближение (сближение) формальных и неформальных лидеров, возникла своя система ценностей, своего рода *корпоративный дух и кодекс*. В общежитиях, библиотеке и столовой, при формировании стройотрядов действовало самоуправление. В результате студенческий контингент, несмотря на его естественную текучесть, превратился в *сообщество* со своими ценностями и нормами поведения. Это не была еще студенческая корпорация в дореволюционном понимании [4, 12], однако принадлежность к НГУ объединила нас на всю оставшуюся жизнь. В университете не было довольно распространенного в других местах отчуждения студентов от своих профессоров и админи-

страции, студенты были солидарны с ними по многим вопросам, добровольно ходили советовать в трудные минуты и в отдельных ситуациях сами приходили к преподавателям на помощь. В свою очередь, некоторые профессора приходили по собственной инициативе на студенческие собрания. Столь тесные отношения между этими двумя группами существовали в лучших университетах России до революции, и эта традиция, разрушенная в советское время, возродилась в НГУ.

3. НГУ задумывался как *университет нового типа*. С некоторым упрощением можно сказать, что это то, что сейчас называется исследовательским университетом. Концепция имела некоторые дополнительные черты в реалиях конца 1950-х, которые важны в контексте нашей истории. Благодаря личным связям М.А. Лаврентьева с Н.С. Хрущевым и с Министерством просвещения СССР, НГУ в его начальный период обладал почти беспрецедентной автономией по сравнению с другими советскими вузами. Близость НГУ к руководству Сибирского отделения Академии наук (СО АН) давала ему также относительную самостоятельность по отношению к областным и городским властным структурам. НГУ строился и развивался по своей собственной траектории.

Назову несколько черт, делающих опыт обучения и жизни в нашем университете уникальным. НГУ был освобожден от соблюдения многих правительственных и министерских нормативов, в частности, от минимального объема педагогических поручений преподавателей и соотношения преподавателей и студентов. На практике это означало, что среди преподавателей было много совместителей, что они не занимались «воспитательной» работой

(так назывались политинформации и беседы), что отношения между профессорами и студентами были менее формальными. Университет также имел большую свободу в подборе своих кадров: на работу принимались даже репрессированные или «неблагонадежные» профессора, если они были первоклассными учеными. Среди них были бывший политический заключенный, член «группы Краснопевцева», впоследствии великий историк Н.Н. Покровский, знаменитый физик Б.Ю. Румер, Танкред Голенпольский, который родился в Китае и репатриировался из Харбина после войны, а в 1960-х основал в НГУ отделение новой тогда науки – математической лингвистики, и другие.

НГУ оказался привлекательным местом для ряда профессоров и аспирантов с протестными настроениями из Москвы и Ленинграда. Для многих из них наш университет был не столько почетной ссылкой, сколько местом, где они могли свободно продолжать свою профессиональную деятельность и жить в согласии со своими убеждениями.

Для НГУ были сделаны и другие послабления, которые можно увидеть на примере гуманитарного факультета. В момент создания факультета в 1962 г. в него, в первый раз в СССР, *не* были включены обязательные для такого факультета специальности «марксистско-ленинских» дисциплин [16]. Курсы для студентов по этим дисциплинам были обязательны, однако специалистов по ним не готовили, а потому число преподавателей и ученых советов по идеологическим дисциплинам было пропорционально меньше, чем в других вузах.

В университете преподавались принципиально новые научные подходы к традиционным наукам, а также совершенно но-

вые дисциплины, в том числе «опельмованные» в тот период, такие как кибернетика, социология, математическая лингвистика, генетика, этнопсихология и т. д. В стране еще не выделили из марксизма-ленинизма организационно и предметно как самостоятельную дисциплину социологию, а на экономическом факультете НГУ уже читали по ней курсы, вовлекали студентов в факультативные семинары, разрешали стажировку и написание дипломных работ. Почти все курсы в университете являлись оригинальными, авторскими и базировались на специальных разработках, особенно в новых областях науки.

4. Упомянутый выше гуманитарный факультет (ГФ) сыграл решающую роль в формировании студенческого движения. Как сформулировал один из педагогов и создателей этого факультета Л.Ф. Лисс, «ГФ, выражаясь молодежным сленгом, буквально “нарывался” на то, чтобы быть изъятым из НГУ как политически неблагонадежный. Более того – как оказывающий негативное идеологическое воздействие на студентов других факультетов» [16, с. 136]. Для такого суждения было достаточно оснований. Несколько студентов ГФ сформировали идеологический центр будущего студенческого движения (см. следующую главу «История студенческого движения в НГУ по Дорошенко»).

5. В первое десятилетие городка роль партии, КГБ и других органов, призванных осуществлять идеологическое воспитание и контролировать поведение ученых и студентов, была минимальной. Так, например, в Институте ядерной физики, где, между прочим, было самое большое число гражданских активистов, меньше 5 % научных работников состояло в КПСС, и даже директор был беспартийным.

В университете была почти та же самая ситуация. Кроме того, КГБ не успел еще выстроить в полной мере систему рекрутирования «добровольных» помощников среди студентов, аспирантов и преподавателей. В партийные органы университета и факультетов входили люди, которые фактически поддерживали движение и даже лично участвовали в студенческих политических и образовательных акциях: диспутах, собраниях, неформальных семинарах, суде над антисемитами и т. д. До определенного момента в университете *отсутствовала цензура* стенной печати, клубных диспутов и вечеров. Фактически действовал *уведомительный, а не разрешительный принцип* в отношении общественной жизни.

6. Студенты жили не на острове, они были погружены в атмосферу «взрослого» городка, в его особую систему профессиональных, культурных и политических ценностей. В Академгородке возник особого рода научный этос, детально описанный в работе Е.Г. Водичева и Н.А. Куперштох [5]. Студенты делили со взрослым населением не только его отношение к науке, но и его культурную среду: выставки, кино-клуб, концерты, лекции, уличные развлечения и праздники. Многие из политических тем, дебатированных в институтах, открыто обсуждались и в университете. К студентам попадали от взрослых товарищей запрещенная литература (самиздат), зарубежная музыка, периодика и кино.

7. Еще одним фактором эксперимента является необычно высокая концентрация в одном месте талантливых, неортодоксально и независимо мыслящих людей среди преподавателей, аспирантов и студентов. Не забудем, что одаренных детей для университета искали по всей Сибири, а кроме того, туда добровольно приехало

много амбициозных студентов, аспирантов и ученых из двух столиц и европейской части России.

8. Последний и, возможно, самый главный фактор данного натурального эксперимента – *новая социальная конъюнктура в стране*. После XX съезда, на котором, пусть и в обстановке секретности, был прочитан доклад о преодолении культа личности и ГУЛАГе, в партийных и карательных органах царила временная растерянность относительно критериев опознания и методов преследования инакомыслия. Они находились в процессе пересматривания своей «классификации» протестного поведения. После XX съезда КГБ испытывал определенную растерянность перед нахлынувшим потоком студенческого брожения. Старый репрессивный аппарат, заклеенный Н.С. Хрущевым на XX съезде, был неприемлем, необходимо было сформировать новый. Выработка курса ускорилась событиями в Венгрии и Польше, результатом явилось закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», разосланное в партийные организации на местах. Фальсификация поводов для политических преследований ушла в прошлое, объектом таких преследований стали те или иные реальные действия. «При этом перед разработчиками новой внутренней политики стал ряд вопросов: какие именно действия и высказывания следовало считать поводом для репрессивных мер, их внутренняя классификация («враждебные вылазки», «вредные проявления», «антисоветская агитация и пропаганда» и т. д. [15]. Вот почему не только в НГУ, но и в других университетах в эти годы за отклонение от официальной

линии партии не сажали, а только предупреждали и ставили черные метки в личных делах. Как высшая мера для наиболее «непослушных» студентов практиковалось исключение из университета с возможным последующим восстановлением.

Подведем итог сказанному и перечислим описанные выше начальные условия незапланированного эксперимента, приведшие к развитию активной гражданской позиции у студентов университета: установка на развитие свободного исследовательского мышления, самостоятельность и индивидуальное развитие; компактность проживания и высокий интеллектуальный уровень студентов; университет нового типа и его автономный статус; корпоративный дух студенчества и его солидарность с преподавателями в поддержании автономии университета; влияние активной гражданской жизни в городке; новая социальная конъюнктура в стране, включая временное ослабление и дезориентацию идеологического контроля после XX съезда. В следующих главах мы опишем, к каким результатам привело это стечение обстоятельств.

История студенческого движения в НГУ по Дорошенко

Как уже сказано выше, первым о студенческом движении НГУ написал выпускник гуманитарного факультета Виктор Дорошенко (годы учебы 1962–1965, 1967–1969). Он также был одним из лидеров движения, поэтому будет правильно начать наш рассказ с его видения событий. Версия Дорошенко будет дополнена во второй статье свидетельствами других участников движения.

Данная версия истории студенческого движения в НГУ составлена на основе моей переписки с Дорошенко и его пу-

бликаций [11, 18]. Виктор любезно дал мне разрешение использовать его письма в данной публикации. Я сопроводила его текст, где нужно, своими вопросами к нему, отступлениями и пояснениями. Высказывания Дорошенко закавычены, стиль и лексика сохранены.

Когда вы заинтересовались политикой?

«Обучаясь в 9-м, 10-м классах, я стал известным среди молодежи небольшого тогда города Юрги. В школе мною с друзьями < > была создана контрольная комсомольская комиссия, узурпировавшая полномочия школьного комитета комсомола для активизации комсомола, а в городе нами была создана комсомольская ученическая дружина из учащихся трех школ и ПТУ. Во всей этой общественной деятельности я играл роль идеолога, редактора стенных газет.

< > Едва вступив в комсомол в 8-м классе, я поставил себе целью стать сознательным комсомольцем и принялся за чтение трудов классиков марксизма-ленинизма. Но работы К. Маркса и Ф. Энгельса мне тогда оказались непонятными. Перешел на работы В.И. Ленина – тоже непонятно. Понятными были работы Сталина, и до окончания школы я прочел 13 его томов и 10 томов Ленина коричневого издания. На первом, втором курсах гумфака НГУ я дочитывал Ленина уже в синем издании и перешел к сочинениям Маркса – Энгельса, которые закончил читать на 3-м курсе...».

Что послужило начальным импульсом, завязкой студенческого движения?

В 1962 г. Виктор Дорошенко поступил в НГУ на гуманитарный факультет и присоединился к тайному политическому кружку старшекурсников мехмата. Однако секретные формы оппозиции казались ему не только опасными, но и в конечном счете бесперспективными. Разговаривая летом

между первым и вторым курсом со своими товарищами по Томскому университету, которые создали тайную оппозиционную организацию, Дорошенко сформулировал программу своей будущей деятельности так: «Я говорил им, что вы можете сделать? Вы можете только создать программу перестройки своего сознания» [3].

Вернувшись после лета на второй курс, он создал в начале 1964 г. свой кружок.

Чем занимался ваш кружок, в чем состояли его задачи?

«За основу нашего нового политического мировоззрения (в кружке – ИЛЖ) мы приняли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата должна быть направлена не только против свергнутых классов, но и против чиновничества своего государства. Это – тезис К. Маркса. В Парижской коммуне он не очень выразился за краткостью ее существования, но имел огромное политическое значение в том, что Маркс назвал полугосударством диктатуры пролетариата. Про это Ленин писал в “Государстве и революции” и еще точнее в “Синей тетради”, изданной под названием “Марксизм о государстве”».

«Мы точно уложились в поставленную задачу: дали социалистическую парадигму против КПСС. Цель заключалась в ослаблении государства для развития социализма. Диктатуры пролетариата в России в принципе никогда не было из-за слабости, недоразвитости этого самого пролетариата, и власть от его имени взяла партия. За ней-то и требовалось по теории Маркса установить диктаторский контроль рабочего класса. Но некому было, особенно в той гражданской войне. А после этой внутренней войны за власть партия как победительница стала недостижима для любого класса общества. Отсюда первоначально культ пар-

тии, а потом культ ее лидера. В общепринятой терминологии – это тоталитаризм. Что осталось наиболее страшным, так это русские традиции тоталитарности с эпохи татарского ига, а позже – с опричнины Ивана Грозного. Вместо полугосударства, как на то рассчитывал К. Маркс, большевики создали сверхгосударство. Эти традиции действительны и сейчас.

«Доклад (“От революции – к культуре” – *И.Ж.*) занял девять рукописных страниц и был фотографически размножен в одиннадцати экземплярах... с десятью экземплярами я вернулся к октябрю в Академ».

«Я выступил с докладом 14-го октября (1964 г., день смещения Н.С. Хрущева со всех должностей – *И.Ж.*). Но какова была обстановка? Мы назначили заседание ОПК (общественно-политический кружок – *И.Ж.*), кажется, на 7 вечера. К семи пришли наши активисты с гумфака < >, а также < > с мехмата, несколько студентов с физфака, естфака, а потом в аудиторию повалили молодые научные сотрудники Академгородка. Мы к этому совершенно не были готовы. Наша замдекана, Анна Наумовна Соскина < >, бегала по коридору около аудитории № 425, где мы собрались, и причитала: “Отмените. Разойдитесь. Так нельзя. Сегодня нельзя”. В аудитории, рассчитанной человек на 50, собралось свыше сотни. Кто-то, я так и не знаю кто, развесил объявления о нашем заседании по Академгородку и, кроме примерно 50-ти студентов, в аудиторию набилось столько же молодых научных сотрудников из институтов Академгородка. Стояли у стен как на концерте. Анна Наумовна осталась в дверях, и за нею еще несколько человек».

«Потом мне пришлось много раз повторять основные положения доклада в разных компаниях студентов, а позже – и

научных сотрудников. Наша идеология была легко принята и широко распространялась в университете и по Академгородку. Следующее заседание ОПК было назначено через неделю».

«На этом заседании ОПК аудитория была нормальной, около сорока студентов разных факультетов, но большинство с гумфака. На следующих заседаниях ОПК, их состоялось еще около пяти, прорабатывались “Государство и революция” и “О государстве”».

«В то же время основные положения доклада и комментарии к нему были изложены в первом номере стенной газеты “Треугольник”, которую начал выпускать ОПК. Первоначально редакция стенгазеты состояла из Миши Яроцкого, Эры Севостьяновой и меня, потом она менялась много раз. Таким образом, мы создали и распространили в НГУ нашу идейную основу».

Преследовали ли Вас за доклады, которые Вы сделали на ОПК, а затем в других аудиториях?

«Дней через десять после доклада меня вызвали на заседание парткома университета».

< > Там за длинным столом сидели В.Н. Борисов, тогдашний секретарь парткома НГУ, зав. кафедрой марксистско-ленинской философии Б.М. Шерешевский, член парткома и бюро обкома партии, и еще кто-то. У меня сразу же спросили текст доклада. Текста у меня с собой не было. Я ответил, что он дома. Спросили, сколько экземпляров? 9, ответил я. 10-й экземпляр в то время я дал нашему декану, член-корреспонденту АН СССР А.В. Аврорину (только этот экземпляр у меня и сохранился). Велели привезти все экземпляры...

< > Допрашивал меня в основном Шерешевский < >, Борисов иногда бубнил и что-то мычал, а третий сидел молча. Шере-

шевского в университете боялись. Прибыл он в НГУ из Читы, где (как говорили студенты – И.Ж.) посадил несколько десятков человек в сталинские времена. < > Основные положения моего доклада члены парткома знали по публикации в “Треугольнике”.

– Вырвать из Ленина кусок, вырвать из контекста, исказить, – шипел Шерешевский, – так поступали все враги народа. Выгнать из комсомола.

< > Первые полчаса на парткоме я испугался. Потом они устроили перерыв на перекур. Я вышел, бродил по холлу университета сам не свой, но постепенно успокоился к тому времени, когда меня вновь позвали на партком.

– Кто тебя этому научил? Кто делал фотокопии доклада? – допрашивал Шерешевский.

Я ответил, что фотокопии доклада мне помогал делать мой дядя, старший оперуполномоченный КГБ, что фотокопии сделаны для преподавателей. Аврорину я уже дал экземпляр и еще двум преподавателям пообещал. Учили меня университетские преподаватели. Я повторил этот доклад на семинаре по научному коммунизму, и мне за него поставили пятерку, и никто не говорил, что я что-то надергал, вырвал из контекста. Никто не обзывал меня врагом народа.

– Мы внимательно ознакомимся с вашим текстом, – сказал Борисов. – А тогда и решим, что с вами делать.

– Я с тобой еще поговорю, – пообещал Шерешевский, но он так и не поговорил...

< > На этом тогда всё и кончилось. Какое решение они потом приняли, я так и не знаю. Из комсомола меня не исключали, даже выговора не было. Я продолжал учиться. Студенческое движение бурно раз-

расталось. И на партком меня больше не звали. А летом меня исключили из университета за несданный английский с формулировкой “за академическую неуспеваемость”. Но, полагаю, что так решили всё-таки не они, через девять-то месяцев. И исключили как-то странно, оставив меня в общежитии и со всеми студенческими документами. Через два года, летом 1967-го г. о решении восстановить меня в университете мне сообщила 3-й секретарь горкома КПСС Шавалова. Так тогда дела делались».

«Несколько слов о наших гонителях. Основным гонителем, конечно, было партбюро, но за их спинами стоял КГБ. Мы были окружены стукачами, некоторые сами нам в этом признавались. Среди студентов это были ребята, рано попавшие в КПСС. Кроме того, кафедры общественных наук: истории КПСС, марксистско-ленинской философии, научного коммунизма. Преподаватели этих кафедр были обязаны стучать, хотя не все это делали».

«Некоторые преподаватели намеренно вызывали студентов на откровенность на семинарах с тем, чтобы потом донести на них, завербовать и сделать стукачом. < > Позиция студенческого движения относительно официальной идеологии была выработана однозначная: идеологию знать, сдавать и не дискутировать со штатными идеологами».

В связи с докладом «От революции – к культуре» Дорошенко также пригласили прийти в КГБ. Он отказался явиться туда добровольно, так как не видел предмета для разговора: «Разговаривать по-хорошему мне с вами не о чем. Они поняли и больше не приглашали» [3].

С момента произнесения доклада Дорошенко и его кружок были окружены пристальным вниманием идеологических орга-

нов. Сам Дорошенко считает, что он был отчислен из университета на два года именно потому, что отверг сотрудничество с органами. Некоторые из его гонителей продолжали работать в университете и тридцать лет спустя. В этом, наверное, и была главная причина того, что Дорошенко считал, что для него время писания истории студенческого движения еще не пришло.

Была ли у движения определенная социальная позиция, каковы были цели и формы общественной деятельности?

Личная безопасность и возможность заниматься наукой являлись одними из главных ценностей нашего поколения студентов и профессоров. Многие на своем личном опыте или опыте своих семей убедились, что публичная общественная деятельность наказывалась годами потерянной жизни и/или отлучением от образования и профессии.

Формулируя цель студенческого движения, Дорошенко вряд ли мог открыто предложить изменение политической системы в обществе, а только лишь «перестройку собственного сознания»...

«Этап широкого организованного студенческого движения приходится < > на 1964–1967 годы. В этот период были найдены его формы, возможные при тоталитарном режиме, т. е. обеспечивающие как оппозиционность, так и продолжение учебы без репрессий для большинства участников. Эта форма не была тайной, подпольной, революционной организацией, что было характерно для студенческих организаций Томска и Ленинграда, но и не была полностью явной, открытой, а сохраняла за внешним внутреннее и ротацию на протяжении четырех учебных лет».

Дорошенко самостоятельно пришел к такому пониманию оппозиционности в со-

ветском обществе. Однако он был не одинок в этом. Более того, «перестройка личного сознания», «выработка собственного мировоззрения» вместе с отказом от участия в прямом социальном действии стали основной формой оппозиционности интеллектуального класса России того времени [1, 7, 17]. Независимо друга от друга несколько неофициальных интеллектуальных лидеров советского общества сформулировали аналогичную философию политической активности, согласно которой вся активность должна была осуществляться в мышлении. Один из них, философ Г.П. Щедровицкий, который, кстати, посетил Академгородок с лекциями в 1964 г., ставил задачей своего московского неформального семинара *создание мыслящего класса* [7].

Российские интеллектуалы надолго застряли на развилке между «перестройкой сознания» и «бунтом» (или революцией). Подобный выбор прекрасно описан Юрием Домбровским в «Факультете ненужных вещей»: «Два момента из учений Христа он уяснил себе вполне. Во-первых, этот бродячий проповедник не верит ни в революцию, ни в войну, ни в переворот; нет, человек должен переделать себя изнутри, и тогда всё произойдет само собой. Значит, он против бунта. Второе: единственное, что Иисус хочет разрушить..., это авторитеты» [9, с. 518].

Между тем на этой развилке были и есть и другие выборы, и в частности тот, который Христос, возможно, первым и начал: начать коллективное социальное действие, направленное на социальное изменение, или, короче, создать социальное движение.

Когда же в начале 1990-х в стране наступил критический момент слома власти и подошло время действовать, бывшие сту-

денты 1960-х, в период перестройки уже академические работники и преподаватели вузов, активно ввязались в политическую жизнь. История политических клубов Москвы и других академических городков, среди участников которых были и бывшие жители Академгородка, показала неспособность «мыслящего» класса заручиться поддержкой широких слоев населения и удерживать власть в своих руках. Одна из причин этого, на мой взгляд, состоит в том, что *навыки и принципы мыслительной деятельности, будучи ценными сами по себе, не заменяют практических навыков общественной и, уже, политической деятельности.* Может быть, именно из-за узкой концентрации на «изменении сознания» интеллектуальный класс на крутых поворотах истории России показал себя не способным к действию, оказался в одиночестве и не был поддержан другими социальными слоями. Выяснилось, что России нужен не только «мыслящий», но и «действующий» класс. Я имею в виду прежде всего лидеров разного уровня, которые овладели практическими навыками социального действия и социального изменения. Разговор о том, «что делать» интеллектуальному или «мыслящему» классу, в обществе продолжается уже не одно столетие, однако в силу своей масштабности выходит за пределы нашей статьи.

Было ли студенческое движение именно движением, была ли у него «невидимая рука», или, иначе, какова роль актива в организации студенческого движения в НГУ?

«Актив студенческого движения никогда не формализовался ни по составу, ни по принимаемым решениям, иначе он перестал бы быть “невидимой рукой” и, в конечном счете, для КГБ. Не было и слов “актив студенческого движения”, поэтому попадавшие иногда на наши встречи стукачи

не сознавали, в чем они участвуют. Я обсуждал конкретные дела студенческого движения с людьми, повлиявшими на эти дела. < > Реально это выглядело, как беседы трех-пяти человек. Общих собраний актива в двадцать человек я не помню. Вероятнее всего, их вообще не было. При этом я не пытался контролировать все формы студенческого движения и быть знакомым со всеми инициаторами».

«Актив не столько придумывал и предлагал новые формы движения, сколько поддерживал возникшие стихийно, распространяя их на весь университет, интеллектуально выясняя значение этих инициатив. Так было и с Клубом студенческой инициативы на мехмате, и с другими разовыми или продолжающимися акциями».

«В сложных случаях определения характера мероприятия устраивалось обсуждение на активе (В. Бородихин, В. Дорошенко, В. Дубровин и др.). Помню один из таких случаев: обсуждение организации первой маёвки. Я и В. Дубровин, кажется, выступили против маёвки как пропагандистского мероприятия, а Володя (Бородихин – И.Ж.) и большинство актива – за маёвку, которую следовало превратить в студенческий праздник. Меньшинство подчинилось большинству, но я оставался критически настроенным к маёвкам. Как показал 50-летний опыт, превращать пропагандистское шоу в свободный праздник удавалось далеко не всегда».

«Студенческое движение создавалось и осуществлялось именно как движение с характерной и необходимой неформальностью, рыхлостью. Оно было организовано, но момент организованности я сознательно минимизировал. Я был противником тайных заорганизованных форм: тайного политического кружка на мехмате в

1963 г., тайного комсомола в 1968–1969 гг. Организованность мне заменяли личные дружеские отношения. Это и стало одной из причин того, что КГБ “проглядел” студенческое движение, и того, что через четыре года студенческое движение сошло на нет».

Каков, по Вашему мнению, был масштаб студенческого движения?

«В руководстве разными формами студенческого движения – общественно-политический кружок (ОПК), дискуссионный клуб, стенгазета “Треугольник”, киноклуб, Клуб студенческой инициативы, социологический кружок – участвовали примерно 20 человек, идейно связанных антитоталитарной позицией и координацией своих действий. Общая численность студентов, принимавших участие в организованном движении, колебалась от 100 до 300 человек, а в некоторых акциях (бойкот столовой или выборы – И.Ж.) принимало участие большинство студентов НГУ».

Добавлю, что в митингах и других массовых мероприятиях участвовало более 500 человек. Это максимум людей, который могли вместить наши самые большие аудитории, если люди заполняли проходы и сидели на подоконниках.

Была ли у студенческого движения единая идеология и каковы идейные позиции движения?

«Особую сложную проблему для историка представляет воссоздание идейной позиции студенческого движения 60-х годов. Эту позицию вряд ли стоит рассматривать как целостную идеологию или как только идеологию, но было бы неверно и сводить ее к антиидеологизму. Идейные искания являлись главной задачей начального этапа студенческого движения, т. е. 1963–64 годов и определились в докладе “От революции – к культуре”. И позже идейная ра-

бота продолжалась, и кое-какие документы о ней сохранились».

«Именно идейная определенность позволила развернуть широкое организованное студенческое движение в НГУ и сохранять его редкостно длительным периодом в тоталитарных условиях. Эта идейная позиция была противоположна официальной идеологии тоталитарного режима, но также противоположна и революционной идеологии тайных студенческих организаций типа томских “Фиделитов”. Наша идейная позиция ориентировала студентов не на подготовку восстания против режима, что было бессмысленно в тех исторических условиях, но и не на согласие с режимом, а на выработку собственного мировоззрения, нравственной позиции, на учебу и подготовку к жизни в сложных политических и социокультурных обстоятельствах (выделено мной – И.Ж.). Характерен и достоин внимания тот факт, что никто из активных деятелей студенческого движения в НГУ той поры не занял позже видного места ни в коммунистической, ни в нынешней политической иерархии – не обмарались».

Как видно из этой цитаты, Дорошенко говорит больше об идеологических взглядах своего кружка, чем об остальных участниках движения. Дополнительная информация по заданному выше вопросу может быть найдена в нашей следующей статье, где будут названы конкретные темы, волновавшие студентов НГУ, в том объеме, в каком мы смогли найти их в настенной печати, в темах дискуссий и выступлениях в клубах и на семинарах.

Идеология движения была фрагментарной, если не сказать эклектической. Но другой она и не могла быть в общественном движении, куда различные участники приходят со своими взглядами и своим инди-

видуальным уровнем образования и понимания политических вопросов.

То, что Дорошенко кажется достижением, а именно, что никто из наших выпускников не занял видного места в политической иерархии (за исключением административных должностей в науке), не кажется мне таким уж очевидным достоинством нашего движения. Однако надо принять во внимание, что наше движение было остановлено рядом «профилактических» мер. Многие из лидеров были надолго отлучены от публичной активности. Кроме того, сосредоточиваясь на собственном мировоззрении, никто из нас толком не думал о стратегии, тактике и необходимых навыках социального действия, приводящего к желательным изменениям.

Каковы были отношения между комсомолом и студенческим активом? Когда и почему возник кризис в их отношениях?

«Характеризуя движение, я уже отмечал, что оно разворачивалось при комсомольской организации университета, но сама эта организация была аморфна. На апогее развития движения в 1966 г. между движением и организацией обозначился кризис. Проявлением кризиса стала университетская комсомольская конференция, признавшая работу комитета ВЛКСМ НГУ неудовлетворительной. Что же произошло?

Само появление и развертывание студенческого движения из общественно-политического кружка и стенгазеты “Треугольник” < > свидетельствовало о политическом запросе студенческой молодежи. Комсомол этого запроса не удовлетворял. Студенческое движение развивалось не как политическое, ни в коем случае, а как общественное, но в нем постоянно была заметна яркая идейная и политическая составляю-

щая в дискуссионных клубах и оппозиционных действиях. У комсомола же не было никакой внятной идеологии ни на уровне университетского комитета, ни на уровне Центрального комитета (ЦК ВЛКСМ). Да что там говорить о комсомоле, когда и партийные лидеры (Н.С. Хрущёв, Л.И. Брежнев), бывшие сталинские “заведующие”, перестали быть идейными вождями.

Большинство активистов студенческого движения составляли комсомольские лидеры нижнего звена: Володя Бородихин – секретарь бюро ВЛКСМ мехмата, Слава Дубровин – секретарь бюро ВЛКСМ физфака, да и сам я был членом бюро ВЛКСМ гумфака. Правда, изредка встречались и такие активисты, которые не были комсомольцами. Например, Виктор Матизен, создатель студенческого киноклуба («Кадр» – И.Ж.). < > Когда движение только зарождалось в 1964 г., комитет ВЛКСМ НГУ воспринимался как высшая комсомольская инстанция в университете. В 1965–1966 гг., когда движение развернулось и окрепло во все новых направлениях и формах самостоятельности, безынициативный комитет ВЛКСМ НГУ стал восприниматься как бюрократическая проформа, “контора”. Ни сам комитет, ни его секретарь Геннадий Швецов хуже не стали, но требования к ним возросли. Стало очевидно, что комитет не отвечает ожиданиям студентов.

Осенью, примерно за неделю до конференции, Володя Бородихин сказал мне, что комсомольцы мехмата недовольны комитетом комсомола НГУ: никакой инициативы, в организации стройотрядов, их работы и оплаты множество недостатков, накладок. На “целине” было здорово во всем, что не относилось к организации. Володя в то лето ездил командиром “целинного”

студенческого стройотряда. Комсомольское собрание мехмата высказалось против комитета.

Тогда я встретился со своим другом Славой Дубровиным, секретарем бюро ВЛКСМ физфака. Он мне рассказал примерно то же. Встретились все вместе, решили выступать на конференции с критикой комитета. Володя и Слава подготовят свои выступления и еще по одному выступающему с их факультетов. После этого я сходил в общежитие естфака и проинформировал их секретаря, девушку кажется, о принятом решении. Она заволновалась, но тоже поддержала.

Откровенно говоря, мне не хотелось выступать против комитета, привлекать внимание со стороны к студенческому движению, но и глушить инициативу я не мог. Предложил Володе баллотироваться в секретари комитета комсомола НГУ, но он категорически отказался, сначала сославшись на учебу, а потом признался, что влюбился и женится, так что общественную работу придется сворачивать.

На конференции в большой аудитории, как обычно, сначала выступил секретарь комитета комсомола НГУ Геннадий Швецов с докладом о работе. Доложил, что всё нормально. После этого выступали делегаты от факультетов и «разнесли» доклад Г. Швецова. Было шумно. Значительным большинством голосов конференция оценила работу комитета ВЛКСМ НГУ как неудовлетворительную. Я присутствовал на той конференции, хотя права на это не имел. (В то время Дорошенко был уже исключен из состава студентов, хотя оставался проживать в студенческом общежитии, и осенью 1965 г. был принят на работу в Институт истории в отдел археологии лаборантом. – *И.Ж.*)

После конференции отношения комсомола и студенческого движения остались прежними. Секретарем комитета комсомола НГУ был избран Николай Соловьев, человек более формальный. Из ЦК ВЛКСМ приезжали с проверкой, но ничего особенного не обнаружили. Да и проверка-то была формальной, бессмысленной, т. е. никакой существенной информацией КГБ их не снабдил. Тогда меня приглашали в райком комсомола на беседу с одним из представителей ЦК. Он нес какую-то ахинею о зеленых насаждениях. Какие насаждения в Академгородке?! (Академгородок утопал в лесу – *И.Ж.*) Лес бы не вырубали. Говорить ему о студенческом движении я, конечно, ничего не стал.

«Неудовлетворительная оценка работы комитета ВЛКСМ университета по тем временам была крупной политической акцией. Она свидетельствовала о том, что комитет уже не контролирует положение в организации, что большинство делегатов конференции пошли за движением. Из ЦК ВЛКСМ в НГУ приезжали Ганичев, один из руководителей ЦК, и еще кто-то (забыл фамилию). Именно неудовлетворенность комсомолом и позволила осуществить неформальное студенческое движение. Оно было направлено на обеспечение самостоятельности студенчества в общественной и культурной жизни университета».

Здесь надо заметить, что еще до нашего университетского собрания в 1966 г. аналогичные заявления по поводу комсомола делались на районных конференциях ВЛКСМ в Академгородке в декабре 1965 г. и марте 1966 г. В.Н. Ганичев, зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКСМ в 1965–67 гг., кандидат в члены бюро ЦК ВЛКСМ, приезжал в основном потому, что эти конференции ставили вопросы о удовлетво-

рительной работе комсомола. После них впервые весь состав нового бюро райкома комсомола Академгородка стал реформаторским. Однако эти конференции не приняли столь кардинальное решение, как признать работу райкома неудовлетворительной [14].

«Академик А.Д. Александров, секретарь парткома НГУ (1965–1967) в то время, ругал нас и меня, в частности, за то, что мы не выдвинули на той конференции своего лидера в секретари комитета комсомола НГУ, не довели дело до конца. Признаться, мы не считали это важным, держались за свою оппозиционность, обеспечивавшую нам поддержку студенчества».

Как, когда и почему закончилось студенческое движение?

«После 1968 года неформальное студенческое движение пошло на спад. Последним всплеском была подпольная комсомольская организация, существовавшая в конце 60-х – начале 70-х годов (о ней мы расскажем дальше – И.Ж.). После 1968 года стало появляться отчуждение между студентами и преподавателями. Студенты даже не знали, что некоторые преподаватели выступали против событий в Чехословакии (ввода советских войск – И.Ж.)».

«Завершающий этап организованного, оппозиционного, студенческого движения был сложен и продолжителен. Было ли оно разгромлено? Да, но его громили с самого начала, и такой особой акции, как погром общественного движения в Академгородке в 1968 году, в университете не было. Громили преподавателей-“подписантов”, искали студентов, писавших по ночам лозунги на стенах, но к студенческому движению в целом это уже не относилось. Вообще же я считаю последним годом организованного оппозиционного студенческого движения

1967/68 учебный год. В это время распадается руководящая группа и межфакультетская связь, теряется инициативная, авангардная роль оппозиционного актива, проявляется деятельность одиночек и малых конспиративных групп. < > ...осенью 1968 года студенческое движение организованной целостности собой уже не представляло».

Заключение

Изложенная выше версия истории студенческого движения в НГУ принадлежит одному из организаторов и идеологов движения в НГУ Виктору Дорошенко. *Насколько она полна и верна?* Я обратилась к своим студенческим товарищам с просьбой написать, что они помнят об этом периоде. Многих из нашей когорты уже нет с нами. Не всех из живых удалось найти, и всё же мне удалось дополнить мои собственные воспоминания многими интересными фактами и оценками моих товарищей. В следующей статье собраны вместе и обработаны их ответы об основных направлениях и формах студенческого движения НГУ, а также проанализирована его природа.

Литература

1. *Архангельский А.* Отдел: документальный сериал (Россия, 2010): о проекте [Электронный ресурс]. – URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20900/ (дата обращения: 17.08.2016).
2. *Бляхер А.* Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. – М.: Европа, 2014. – 208 с.
3. *Борзенков А.Г.* Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.): в 2 ч. – Изд. 2-е, стер. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003.
4. *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть: Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. – СПб.: Астерион, 2014. – 253 с.

5. *Водичев Е.Г., Куперитох Н.А.* Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.km.ru/referats/675E1D18315E4C66BB168B3520EB18CE> (дата обращения: 17.08.2016).
6. *Гинзбург И.Ф.* Моя жизнь в НГУ и окрест [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf> (дата обращения: 17.08.2016).
7. *Глазычев В.* Как начиналась общественная жизнь в СССР. Ч. 1. Создание структур «Мемориала» [Электронный ресурс]. – URL: http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1258401150.html (дата обращения: 17.08.2016).
8. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 106–135.
9. *Домбровский Ю.* Хранитель древностей: роман: в 2 ч. – М.: Эксмо, 2003. – 735 с.
10. *Герасимова О.Г.* Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ в 1950-е – середине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2008. – 200 с.
11. *Дорошенко В.А.* К истории студенческого движения в НГУ в 60-е годы // Наука в Сибири. – 1998. – № 9/10.
12. *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – 407 с.
13. *Корсуни О.* Гражданское общество, которому суждено было случиться, но не надолго: хроники одной утопии: из истории Академгородка [Электронный ресурс]. – URL: <http://w-o-s.ru/article/3659> (дата обращения: 17.07.2016).
14. *Коршевер П.* От города солнца к городу зеро // Наука в Сибири. – 2001. – № 32/33.
15. *Кузовкин Г.* Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.memo.ru/library/books/korni/chapter10.htm> (дата обращения: 17.08.2016).
16. *Лисс А.Ф.* Из воспоминаний об истории гуманитарного факультета НГУ // Идеи и идеалы. – 2013. – № 2, т. 2. – С. 128–142.
17. *Межуев Б.В.* Перестройка-2: опыт повторения. – М.: Весь мир, 2014. – 202 с.
18. «Молодые выступанты» в Дискуссионном клубе. Выступление преподавателя ФМП В.А. Дорошенко // Университетская Жизнь. – 1995. – 25 февраля. – № 5 (466). – С. 3.
19. О времени и о себе. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. – 824 с.
20. *Орлов Ю.* Опасные мысли. – М.: Захаров, 2008. – 368 с.
21. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / ред. и сост.: И. Кузлин, М. Майофис, П. Сафронов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 716 с.
22. *Пименов Р.П.* Воспоминания. В 2 т. – М.: Панорама, 1996. – (Документы по истории движения инакомыслящих; вып. 6–7).
23. *Швецов Г.А.* Осторожно! История! // Наука в Сибири. – 1998. – № 1.
24. *Шиловский М.В.* История университетского вольнодумия // Наука в Сибири. – 1997. – № 42.
25. *McAdam D., Snow D.A.* Social movements: readings on their emergence, mobilization, and dynamics. – Los Angeles: Roxbury Publ., 1977. – 557 p.

NGU: TO THE HISTORY OF THE STUDENT MOVEMENT IN 1960s

Part I

I. Zhezhko-Braun,
American Political Association,
Boston, USA

irinabraun@comcast.net

The author analyses the student movement in 1960s in the Novosibirsk State University (NGU), the longest open legal student movement of the Soviet period. The previous publications on this subject do not present the movement in its entirety, and they also do not reflect the nature of the phenomenon properly. The civil movement in Akademgorodok (Academic Town) and, in particular, at the NGU was a by-product of the famous Siberian experiment. Nowadays, this by-product is quite topical in search for the best strategy of social change. The article reconstructs and analyses the preconditions and factors of the student movement, as well as the spectrum and directions of its political activities: self-organization and self-management, club activities, participation in the Rector's elections, protection of student political and academic freedoms, preservation of the autonomy of the university, etc. The conclusions about the nature of the movement are made based on numerous memoirs and available documents.

Keywords: student opposition movement, civil society, active lifestyle, the Novosibirsk State University, Akademgorodok in 1960-s.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-136-156

References

1. Arkhangel'skiĭ A. *Otdel: dokumental'nyi serial* (Rossiya, 2010): o proekte [Documental series "Department" (Russia, 2010): on the project]. Available at: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20900/ (accessed 17.08.2016)
2. Blyakher L. *Iskusstvo neupravlyaemoi zhizni. Dal'nii Vostok* [The art of non-managed life. Far East]. Moscow, Evropa Publ., 2014. 208 p.
3. Borzenkov A.G. *Molodezh' i politika: Vozmozhnosti i predely studencheskoj samodeiatel'nosti na vostoke Rossii (1961–1991 gg.)*. V 2 ch. [Youth and politics: possibilities and limits of student initiative in the east of Russia (1961–1991)]. In 2 pt., 2nd ed. Novosibirsk, NSU Publ., 2003.
4. Brachev V.S. *Studencheskie besporyadki, professorskaya korporatsiya i vlast': Sankt-Peterburgskii universitet v 1907–1911 gg.* [Students unrest, professors corporation and the power: St. Petersburg University in 1907–1911]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2014. 253 p.
5. Vodichev E.G., Kupershtokh N.A. *Formirovanie etosa nauchnogo soobschestva v novosibirskom Akademgorodke, 1960-e gody*. [Formation of scholar community ethos at the Novosibirsk Academytown, in the 1960s]. Available at: <http://www.km.ru/referats/675E1D18315E4C66BB168B3520EB18CE> (accessed 17.08.2016)
6. Ginzburg I.F. *Moya zhizn' v NGU i okrest* [My life in the NSU and around]. Available at: <http://www.ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf> (accessed 17.08.2016)
7. Glazychev V. *Kak nachinalas' obshchestvennaya zhizn' v SSSR*. Ch. 1. *Sozdanie struktur "Memoriala"* [How the civil life started in the USSR. Pt. 1. Creation of the Memorial structures]. Available at: http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remmen/1258401150.html (accessed 17.08.2016)
8. "Delo" molodykh istorikov (1957–1958 gg.) ["The case" of young historians (1957–1958)]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1994, no. 4, pp. 106–135)

9. Dombrovskii Yu. *Khranitel' drevnostei*. roman: v 2 ch. [Keeper of antiquity: novel: in 2 pt.]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 735 p.
10. Gerasimova O.G. *Obschestvenno-politicheskaia zhizn' studenchestva MGU v 1950-e – seredine 1960-kh gg.* Diss. kand. ist. nauk [Social and political life of the MSU students in 1950s – mid 1960s. PhD diss. in history]. Moscow, 2008. 200 p.
11. Doroshenko V.L. *K istorii studencheskogo dvizheniya v NGU v 60-e gody* [To the history of student movement in NSU in 1960s]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 1998, no. 9–10.
12. Ivanov A.E. *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii* [The student corporation in Russia in XIX – early XX centuries]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2004. 407 p.
13. Korsun O. *Grazhdanskoe obshchestvo, kotomu suzhdeno bylo sluzhit'sya, no ne nadolgo: khroniki odnoi utopii: iz istorii Akademgorodka* [The civil society which happened but not for a long time: chronicles of one utopia: from the history of Akademgorodok]. Available at: <http://w-o-s.ru/article/3659> (accessed 17.08.2016)
14. Korshever I. *Ot goroda solntsa k gorodu zero* [From the city of the sun to the city of zero]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 2001, no. 32–33.
15. Kuzovkin G. *Partiino-komsomol'skie presledovaniya po politicheskim motivam v period rannei "ottepeli"* [Persecution by the CPSU and Komsomol organization on political grounds during the early "thaw"]. Available at: <http://www.memo.ru/library/books/korni/chapter10.htm> (accessed 17.08.2016)
16. Liss L.F. *Iz vospominanii ob istorii gumanitarnogo fakul'teta NGU* [From the memoirs of the history of the faculty of humanities NSU]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2013, no. 2, vol. 2, pp. 128–142.
17. Mezhuiev B.V. *Perestroika-2: opyt povtoreniya* [Perestrojka two: repetition attempt]. Moscow, Ves'mir Publ., 2014. 202 p.
18. "Molodye vystupanty" v Diskussionnom klube. *Vystuplenie prepodavatelya FMSh V.L. Doroshenko* [Young speakers in the Discussion club. Speech of V.L. Doroshenko]. *Universitetskaya Zhizn' – University Life*, 1995, 25 February, no. 5 (466), p. 3.
19. *O vremeni i o sebe* [On our time and us]. 2nd ed. Novosibirsk, NSU Publ., 2014. 824 p.
20. Orlov Yu. *Opasnye mysli* [Dangerous thoughts]. Moscow, Zakharov Publ., 2008. 368 p.
21. Kuklin I., Maiofis M., Safronov P., eds. *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940–1980-e)* [Islands of utopia: pedagogical and social design in post-war schools (1940s–1980s)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 716 p.
22. Pimenov R.I. *Vospominaniya*. V 2 t. [Memoirs. In 2 vol.]. Moscow, Panorama Publ., 1996.
23. Shvetsov G.A. *Ostorozhno! Istoriya!* [Caution! History!]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 1998, no. 1.
24. Shilovskii M.V. *Istoriya universitetskogo vol'nodumiya* [The history of the university free-thinking]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 1997, no. 42.
25. McAdam D., Snow D.A. *Social movements: Readings on their emergence, mobilization, and dynamics*. Los Angeles, Roxbury Publ., 1977. 557 p.